

ГОРОДСКАЯ ГАЗЕТА

Газета основана 1 октября 1930 г. До 1994 г.
выходила под названием "Ленинский шахтер"

№ 88 (16247) Пятница, 12 мая 1995 г.

ГАЗЕТА

СЕМЕЙНАЯ

ПОДНІЧНА

ПОМНЯТ О ВЕТЕРАНАХ

МП РСУ (бывшее РСУ АО «Ленинскому») живет сегодня трудно. Но фронтовиков у нас чтут и с расходами на них не считаются.

К 50-летию Победы каждому из тринадцати ветеранов войны были вручены юбилейные медали и ценные подарки - именные часы и японские утюги. Конечно, посидели старики за стаканом чая. Женщины

МАЙ - месяц сплошных праздников. Точнее, первая его половина. Но хорошо это или плохо - праздник?

Светлана Петровна, 40 лет: Хорошо, конечно. Первого мая я побелила в квартире, второго - сходила на кладбище, к родителям. А в субботу и воскресенье накануне стирала и гладила. Когда бы я успела, если бы не четыре выходных подряд?

Седьмого и восьмого мая перебирали картошку, наводили порядок на даче. Это просто подарок судьбы - майские праздники!

Старушка лет семидесяти: Безобразие сплошное! Раньше как было: пришли 1-е и 2-е на выходные - значит, так тому и быть. А сейчас переносят. Гуляй неделю подряд! На каждом шагу - ларьки водочные. Совсем народ запился.

Второе мая сделали выходным. Ну, ладно; родительский день. Но родителей надо помнить круглый год, могилки поправлять. А то хватились - все в один день. Народу на кладбище понеехало! Автобусы не успевали перевозить. Раньше мы и без праздников все делали. Сходишь на работу, а потом на могилки. И без водки, как теперь ходят.

День Победы - это, конечно, настоящий праздник, святой для меня. У

предприятия приготовили для них стол с отличными салатами и деликатесами.

А накануне всем им дали по десять килограммов мяса бесплатно. Не забывают у нас и ветеранов труда, тех, кто работал в тылу во время войны. Им предприятие выдало материальную помощь.

З. ТЕРЕЩЕНКО.
Бухгалтер.

Василий Николаевич, ветеран войны: Для меня один праздник есть, который всегда чту, - День Победы. Я с первого дня войны воевал. Дошел до Австрии, а там меня контузило в сорок пятом. Пока лечился, война кончилась. Были и ранения, но легкие: в руку, в плечо, в ногу. Но кости не задеты. Я считаю: такой под-

любим своих родителей и чтим их праздник. Они совсем юными на фронт пошли, могли бы и в тылу остаться, но не остались. Хотели защищать Родину и защитили. Дай им Бог здоровья, мы стараемся беречь.

Вадим, лет 20: Не знаю, хорошо ли это. У меня каждый день одинаков. Чем занимаюсь? Да чем хочу. Нет, не работаю. Дед? Да, воевал. Какие-то награды есть даже. А почему я их должен знать? Когда свои получу, тогда и знать буду. Нет, не служил. А воевать, если придется, - куда денешься? - пойду.

Я уверен, что каждый должен справлять только свои праздники. Для деда - День Победы. А для меня война - история, в школе учил. Как гражданская, как японская, как любая другая. Я из другого поколения, зачем мне это?

Анна Ивановна, 78 лет: Нет, для меня праздник лучше и дороже, чем День Победы. Я мужа на третий день после свадьбы проводила на войну. Ой, как ждала! Письма долго хранила, пока не истекли. А когда пришел, сколько счастья было! И все мы здесь, в тылу, Победу ждали, как царства небесного. Нет на свете для меня более светлого дня!

Записала
В. БУРЦЕВА.

Операция завершена

В-городе завершена операция по безопасности движения, в ходе которой особое внимание уделялось состоянию транспортной дисциплины среди водителей личного транспорта.

Увы, результаты операции далеко не утешительные. Они говорят о том, что дисциплина среди этой категории водителей остается на очень низком уровне. Так, только за неделю «индивидуалами» было совершено три дорожно-транспортных происшествия. Кроме того, выявлено 1850 грубых нарушений правил дорожного движения, в том числе задержано 95 пьяных водителей. Среди основных нарушений - неправильный обгон и лихачество за рулем. Только за последнюю неделю апреля было наказано 280 нарушителей скоростного режима.

Результаты операции говорят и о том, что подобные мероприятия необходимо проводить регулярно.

В. ДАНИЛОВ.
Инспектор ГАИ.

МЫ ОБЪЕДИНИЛИСЬ

Каждое воскресенье в 12 часов дня по адресу: пер. Трестовский, 9 звучит детский смех. Здесь собираются со своими мамами больные дети. Они общаются между собой, играют, учатся и привыкают жить в обществе своих сверстников, празднуют свой день рождения со сказочными героями. В апреле добрая Баба-Яга с Кикиморой поздравляла очередных именинников, сами дети поставили кукольный спектакль «Репка». С каким увлечением они превращались в Мышку, в Бабку, и в Дедку! Дети есть дети, и, несмотря на свои недуги, они радовались и смеялись, а у некоторых мам катились слезы радости за них.

Все хором пели «Чебурашку», а восьми именинникам подарили шахту «Комсомолец», всем им вручили по коробке конфет. Для проведения праздников на подарки именинникам 500 тысяч рублей выделил Ленинск-Кузнецкий филиал новосибирской фирмы «Белон» в лице исполнительного директора В. М. Дойняка.

Совсем недавно, с 1 декабря прошлого года, в этом помещении стали собираться родители детей-инвалидов. Каждое воскресенье они решают вопросы, связанные прежде всего с реабилитацией детей, их лечением, досугом. Ведь реабилитация это не только лечение, это прежде всего воспитание человека. Надо научить его жить в современном обществе, несмотря на ограниченные возможности, недуги, порою страшную болезнь.

Объединяют родителей общая цель и задачи, а также проблемы, которые одинаковы для всех семей, где растет больной малыш. Мать большого ребенка одновременно и дефектолог, и логопед, диетистка и повар. Она же медсестра, так как сама вводит ребенку инсулин, она же и физиотерапевт (дома греет парафин), она же и массажистка (если ребенок с детским церебральным параличом), но а воспитатель уж обязательно. Специализированных детских садов нет, а значит, и нет друзей у наших детей (или мало), для них мама - это все.

Если есть общие задачи и цели, то люди объединяются. Родители решают вопросы по своим

правам, льготам, организовали между собой обмен вещами, для детей библиотеку с детской литературой, обмен игрушками.

15 мая ООН провозгласила Международным днем семьи. И конечно, вопросы семьи в нашей жизни на первом месте, так как это касается всех.

Всю работу городская ассоциация родителей детей-инвалидов проводит в тесном контакте с городскими государственными и общественными структурами. Проводим разъяснительную работу с родителями, детям которых оформлены инвалидность в 1995 году, таких 42 ребенка.

(Печально, что число их растет, но это проблема государственная, большое общество - больные дети; здесь и экология, и ухудшение материального состояния молодых семей, вопросы питания, диагностики беременных и т. д.)

Хотелось бы выразить благодарность от многодетных матерей, вдов, матерей, у которых растет по два ребенка-инвалида, городскому женсовету. Председатель женсовета Лидия Сергеевна Ананьина постоянно уделяет внимание вопросам семьи, воспитанию детей. Многие отозвались на наш призыв о помощи: общество «Зинаида» (В. А. Матвеева), которое подарило две японские инвалидные коляски; спортсменка (А. Э. Циммерман) выделила бесплатно спортивный комплекс, стулья, стол; электроламповую завод; УККТС (Г. С. Нануков), ЦДК (А. В. Гисс) и, конечно же, центр социальной помощи (Н. А. Алексеева). Спасибо вам, добрые люди, за внимание, милосердие и заботу!

В планах работы ГАРДИ много вопросов, но первоочередной - это организация санаторно-курортного лечения больных детей в летнее время.

Напоминаем еще раз: каждое воскресенье мы ждем родителей детей-инвалидов и всех, кто желает помочь им, кому небезразлична судьба больных детей, у кого доброе и отзывчивое сердце. Мы не только просим, но и многое делаем сами.

По поручению
родителей -
В. ЗАЙЦЕВА.

Член правления ГАРДИ.

ЛУЧШИЙ ИЗ ПРАЗДНИКОВ

Поговорим о том о сен-

лет: Ой, конечно, хорошо! Мы три дня не учились. Загорали даже во вторник. А 9 Мая - День Победы. У нас дедушки воевали, папы в армии служили. Для них праздник - и для нас тоже.

В школе разные мероприятия были. К нам фронтовики приходили, все в наградах. Мы их очень уважаем, это же страшно - идти на смерть. Конечно, они нами недовольны, считают, что мы че-так живем, не в то верим. Но старики всегда молодыми недовольны. Наверное, и мы такими будем, когда состаримся.

Но День Победы для меня - святой день. Мой папа воевал, а мама сан-инструктором была. Я у них - последышек, старшие братья уже на шахтовой пенсии. Мы все очень нескоро.

ИФРЫКАН ПЕСНЯ

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

Стихи Надежда Ефимовна Изотова стала писать после сорока. Да и не стихи это в классическом изысле, а скорее народные плачи - есть такая разновидность фольклора. Это когда человек изливает свою боль и скрьбы простыми словами, но напевно, как песню поет.

Горькая «песня» Надежды Ефимовны, невозможную воспринимать без слез. Что ни строчка - то беда. Что ни отрезок времени - то потеря.

Отца признали «врагом народа», хотя голья была перекатана, посадили. Мать осталась с детьми. Надя - старшая. Вышел отец из лагеря, а через год - снова забрали. А потом и мать за них последовала: не уберегла колхозную свинью, и та провалилась под лед. Не посмотрели даже, что у нее ребенок грудной - увезли. И осталась Надя с младшими детьми. Сама моло-денькая, только замуж сбрасывалась. Как вытянула все это на себе, и сама не знает. Но самое худшее ждало впереди.

Муж попался хороший, ласковый. Дочка родилась здоровенчонка. Мать после лагеря в деревню не вернулась, уехала в Ленинск-Кузнецкий к брату. Вскоре младших детей забрали. Надя с Иваном ждали второго малыша.

- Надюшка, если сына родишь, на руках носить будешь, - шептал муж, нежно обнимая ее теплые плечи.

Впрочем, дочку он тоже любил. Просто у мужчин уж традиция такая - хоть одного сына, но роди ему. И сын родился. Только отцу не суждено было его увидеть: 24 июля 1941 года

Иван Тимофеевич навсегда ушел из дома, от семьи. Вместо него спустя два года пришла похоронка.

Как жила Надя эти два года - страшно вспоминать. Работала в колхозе дояркой. Была при этом и скотником, и фуражером, и молоковозом. Дни и ночи на ферме.

А топили в Новосибирской области, где она жила, не углем, а дровами. И дрова эти надо было заготавливать с лета. Ушли мужчины на фронт, не успели обеспечить семью топливом. Поэтому женщины вынуждены были делать это сами.

- Мы договаривались с другими доярками: сегодня я за тебя работаю, а завтра - ты за меня. И по очереди ездили заготавливать дрова.

Поблизости весь лес вырубили, а далеко углубляясь в тайгу женщинам не под силу. Приходилось собирать коровий кизяк, пускать его на топливо.

Голодно было так, что желудок сводили спазмы. А дома двое маленьких. Дочка Валя пухнула начиная от не-доедания. Кормила-то детей чем? - супом травяным, молоком заболенным. Сама могла украдкой молочком глоток перехватить на ферме: а домой мести нельзя - верная тюрьма.

- Отвезу молоко на маслозавод, - рассказывает Надежда Ефимовна, - переношу им там все фляги, ушаты, всю работу переделаю, чтобы дали моим ребятишкам чего-нибудь.

А строго было, начальство увидит - греха не оберешься. Но я ухитрялась все же того-сего им раздобыть немножко.

Фермой работа не ог-

раничивалась, приходилось вкалывать на колхозных полях.

В войну жила в родном колхозе.

Работала я день и ночь, пахала, сеяла и жала, чтоб фронту было

чем помочь.

Это строчки из ее стихотворения-плача. Работа действительно отнимала и день, и ночь. Лучших лошадей для фронта забрали, остались слабые да старые. На коровах пахали, грузы возили. Смотрят бедное животное страдальческими глазами, только что не заговорит, а тянет. Откуда ж там молочку взяться?

Все переносила Надя, потому что где-то там, на огромной войне, был ее Ваня, муж ее и опора.

Но когда пришла похоронка, оставаться в деревне было уже незачем. И перебралась она к матери, в Ленинск-Кузнецкий. Здесь жить было полегче. И с едой получше, и с топливом. Дети окрепли, поправились. Мать работала на свинарнике, хоть каргошки вареной принесет домой, а то и что повкуснее. Здесь хлеб давали по карточкам - на работника и на инждивенцев. Хоть вкус его вспомнили.

Надя пошла работать в «Ленкузторг». Профессии не было, приняли разнорабочей. И тяжесть таскать пришлось, и полы мыть. Но разве это труд по сравнению с ее деревенским?

Но грянула новая беда. Сын Ваня, названный в честь отца, упал с лестницы и сломал позвоночник. У него, к тому же, обнаружили туберкулез костей - не прошла бесследно младенческая

голодовка. Три года - по больницам. А потом - приговор: инвалид.

Всю жизнь трудилась Надежда Ефимовна. Последние годы перед пенссией, уже будучи инвалидом по здоровью, работала нянечкой в детском садике. Ребятишки любили сидеть, окружив ее плотной стайкой, и часами слушать ее песни-сказы. Она ведь не только о горе да о беде пишет, но и для ребятишек. Любила она детей всегда и сейчас любит. Хотя со своими хлебнула столько...

Спустя годы погибла Валя, оставив двух своих детей сиротами. Теперь уже они большие, сами родители. А сколько слез пролила Надежда Ефимовна, пока переживала горе за горем, одна она знает. Сколько труда непосильного вложила она в детей и внуков!

К счастью, успела Надежда Ефимовна во втором, послевоенном замужестве родить еще сына и дочку. Но и второй муж прожил недолго. И все же младшие дети уже не знали тех лишений, что выпали старшим. Другое наступило время, мирное. Хорошии дети выросли, работают, имеют своих детей.

Но болит в сердце Надежды Ефимовны непрходящей болью та война, отнявшая у нее молодость и здоровье, разрушившая первую ее семью и едва не погубившую старших детей.

Живите и гордитесь, дети.

Отец погиб за мир на свете.

За ваше счастье на земле!

За всех детей - не быть войне!

Вот как пишет эта многое пережившая и выстрадавшая женщина. Не видевшая фронта, но вынесшая на своих плечах тысячи тяготы, она познала всю ужасную сущность этого бедствия. И самая заветная ее мечта: пусть будет мир! Пусть внуки детей не узнают того, что узнала она.

В. БУРЦЕВА.

НЕ НАДО РАСКАЧИВАТЬ ЛОДКУ

Пассажирам, слышавшим этот диалог, было неловко за нее. И покоробило вот это беззаплакионное «чё».

Конечно, я не хочу сказать, что все кондукторы грубые. Есть и очень вежливые, добрые. В любом

транспорте, который обслуживают такие работницы, приятно ездить. Даже на нужной остановке выходишь с сожалением.

Но очень жаль, что немало и таких, как та девица. Повстречавшись с ней - и настроение испорчено. К примеру, я уверена, что у женщины с сумками надолго остался в душе неприятный осадок. Она была внешне спокойна, сдержанна, вежлива, но ведь это потому, что воспитание не позволило ей унизиться до скамдала.

А будь на ее месте другая, могло дойти до серьезного конфликта. Кондуктор разъярилась, до крайности и свое настроение стала срывать на пассажирах, те свое - на ком-то еще. И пошла бы «цепная реакция», а в результате поплатились бы хорошим настроением многие люди, даже в глаза не видевшие данный троллейбус с его кондуктором.

Жизнь у нас сейчас сложная, хорошее настроение - дефицит. Мы же его друг другу нередко портим. И не только в транспорте. Неужели нельзя усвоить простую истину, что все мы плывем в одной лодке, и если кто-то сделал неверное движение - она качнется?

А если много резких движений - вообще погибнет. Так неужели также трудно сдержаться вовремя, умерить свою агрессивность? Мы ведь с вами - люди.

Аня ФЕДОРОВА,

Гимназия N 12.

ладонью, готовясь к тактичному уходу домой.

- С нами еще бабушка живет, - не унимается старшая. Кажется, она нацеплилась на долгий разговор. - Ничего уже не видит, блин, а лезет во все дырки.

- А ты скажи, как ее обзываешь? - залывается шустрая и заранее отскакивает в сторону, дабы не получить тумаков.

- Ну как, как, ты, дура?!

- А вот так же: «Дура старая!.. И еще: «Мышь слепощарая». Я слышала!

- А ты бутылки для своих собираешь, побиришка!

- А вы бабку свою скоро отравите!

Краска стыда мгновенно заливает чумазое лицо старшей, и она, резко повернувшись, гонится за своей лучшей, по всему, подругой, увлекая за собой и третью, молчунью. Вскоре из-за угла доносится тонкий визг и знакомое: «Заполучила, дура!..

...Три крохотные еще судьбы, которые уже трудно охватить обогащенным опытом умом. Они, сами не осознавая, миновали тот неповторимый этап, который зовется преддверием взрослой жизни. Трудной, сложной, часто жестокой. Они уже перешагнули запретный порог и твердо встали в нее своими тонкими девчоночными ногами с выпирающими коленками. Их детство обвязано, как яблоко, служащее закуской под водку, - бездумно, равнодушно, не замечая и не понимая вкуса. Хорошо ли это, плохо ли - полудетям, ударенным крепким морозцем нашей взрослой жизни, понять не дано. Просто: так - есть. И ничего не добавить к тому и ничего не отнять.

Е. НОСЫРЕВ.

ДВОРОВЫЙ ЭТЮД

• Вот так
и живем

- Разве это важно? Просто - подарок, и все.

Она ненадолго замолкает. Потом сдавленно вздыхает.

- У меня брат тоже так умеет. Он мне на день рождения обещал такую же картинку привезти, только далеко живет.

- Он старше тебя?

- Конечно. Ему уже 23. У меня еще брат есть, 20 лет. И сеструха еще, ей 14. Мы от мамы, а они от отца. Он нам неродной.

- Ну и что? - язвительно замечает ее шустрая подруга. - Приехал он к тебе, братан твой? Фигу с маслом!

- Ну и не приехал. Он не смог. Ты, дура! - обижается заводила.

- Поги, в тюряге уже сидит, - не унимается шустрая, заливаясь разбойничим смехом. - А приехал бы, опять

поддался.

- Ты!.. - И они яростно, по-петушиному, толкаются. Так, как обычно делают все их сверстники. Потом утихают и опять молча наблюдают за ходом работы. Старшая смотрит, как я досадливо отмахиваюсь от дыма, и смеется:

- Как моя сеструха, когда курит!

- В четырнадцать лет курит?

- Фи-... Она и пьет уже, как лошадь.

- А я думаю, рановато...

- Подружки такие... - философски тянут шустрая.

- Да ей и отец наливает, - признается инициатор этого солнечного разговора.

- Он сейчас пьет каждый день.

- И мой, - откликается, как эхо, шустрая. - Козел.

- И мой, - тихо роняет третья, самая молчаливая. - Каждый день...

- Наш стал пить, как на мамке женился.

- Старшая говорит все серьезно и уверенно, по-взрослому. - Она болеет все время. Не работает - на папкины пузьри.

Сердце мое досадливо замирает, словно я подслушиваю чужие тайны под соседской дверью. Стараюсь чаще тереть глаза

PЕШЕНИЕ Анны Павловны сменить работу удивило многих. Опытный бухгалтер, пятнадцать лет стажа за плечами - и вдруг на КСК, к машинам. Вначале ученицей, а потом - мотальщицей. Всю смену на ногах, а смен три, в том числе ночная.

- Дуришь, Анька, - сказала младшая сестра Катя. - С жиру бесишься. Тут в любой момент Николай тебя с работы отпустит. Если дети прибояли - опоздаешь или совсем не выйдешь, а тебе «восьмерочки» простят. А там-то вкалывать надо, там план, моя дорогая.

- Устала я от сидячей работы, - оправдывалась Анна Павловна. - И глаза сильно болят от цифр. Домой прихожу с чугунной головой. Пусть хоть немного мозги проветрятся.

Мать тоже не одобряла, но отговаривать не стала. «Взрослая, сама мать, пусть решает, как ей лучше», - сказала она. В глубине души она чувствовала, что цифры здесь ни при чем. Чего другое заставляет дочку с привычного места туда, где труднее, где не будет свободного времени, чтобы думать какую-то тяжелую думу. Но та молчала, а мать не спрашивала. Захочет - сама скажет.

Весь отдел едва в обморок не упал, узнав, что Анна Павловна уходит. А главное - куда уходит. Один Николай не удивился. Он как-будто ждал чего-то подобного. Отговаривал, конечно, но она чувствовала: делает это для вида. А сам испытывает облегчение от такого решения жены. Ведь не могло же это продолжаться вечно. Когда-нибудь должен был наступить предел. Тайно стало бы явным, и тогда ее семья неминуемо должна была распасться, то перенести очень сильное потрясение, которое нарушило бы заведенный, устоявшийся годами порядок. Допустить этого Анна Павловна не могла.

...Крутятся веретена, вьется бесконечная нить. И такой же бесконечной нитью тянутся ее печальные мысли. Надворе ночь. Ребяташки, конечно, спят. Николай всегда проследит, чтобы не загулялись на улице, проверит уроки, заставит вымыть ноги перед сном. А сам... А сам, конечно, в соседнем подъезде, у Татьяны. Под утро крадучки прошмыгнет в свою квартиру, и, когда она вернется домой, вся семья будет в сбое. Господи, что делать-то, что делать-то!

Татьяна появилась в отделе год назад. Красивая, разведенная, бездетная. И Анна сразу ощутила непонятное беспокойство. Даже не поняла почему, с чем оно связано. За прощность своей семьи еще ни разу не приходилось тревожиться. Николай - мужчина серьезный, хороший муж, заботливый отец. Работая под его началом, Анна чувствовала себя, как у Христа за пазухой. А тревога не проходила, точила потихоньку сердце.

Беда грянула, когда Анна с сыном и дочкой уехала в южный санаторий. Они нездадолго до этого новую квартиру получили, четырехкомнатную. После шумного новоселья Николай

пошел провожать гостей. Татьяна жила в соседнем подъезде, поэтому составила ему компании, чтобы не одному возвращаться с остановки. А потом звала его к себе, чаем угождала. Он не придал значения, пришел домой и рассказал жене, какие у Татьяны на окнах жалюзи.

Момент был упущен. И оба теперь старались найти любой предлог, чтобы только не коснуться опасной темы. Анна видела, что муж тоже переживает, подобных вещей за ним раньше не водилось. На работе был ровен со всеми, но к Татьяниному столу не подходил - это Анна отметила про себя. И лишний раз сказала себе, что ее подозрения небеспочвенны.

Женщины в отделе любили обсасывать косточки своим и чужим мужьям.

- Мой паразит вчера опять ночевать не пришел. Ну, узнаю только, где он ошивался, - поубиваю обоих.

задержится на совещании. Домой пришел с начальником другого отдела, и они допоздна сидели над какими-то бумагами.

нату дочери, нырнула к ней под одеяло и затаилась, притворившись спящей. Николай, как и в тот, первый после ее возвращения вечер, опять курил на кухне, взыхал.

Боже мой, что же делать? Так жить дальше нельзя. А как можно? Голова гудела от напряжения. Только сейчас Анна поняла всю глубину своей привязанности к мужу. И семья для нее была святым понятием. И потом, как быть с детьми? Им одинаково дороги и папа, и мама.

Однажды даже мелькнула мысль о самоубийстве. Но Анна тут же одернула себя: «Что придумала, дура!». И тогда она решила уйти из отдела. Пусть все идет своим чередом, время распутает

состоянием, если бы не прятала, как страус, голову в песок. Кто, кроме нее самой, защитит ее семью, ее детей? Николай тоже - не сосед по лестничной площадке, он - ее муж, часть ее жизни. И она никому его не отдаст!

- Хорошо, Коля. Я сделала, как считаю нужным. Только ты твердо уверен, что не хочешь разрушать семью?

- Да. Если, конечно, ты захочешь меня оставить.

Анна кивнула и решительно пошла к двери.

- Она ни при чем, это я во всем виноват, - попытался остановить ее муж.

- Вот я об этом ей и скажу.

Татьяна открыла дверь сразу же, как будто ждала. Увидев Анну, побледнела и отступила в глубину квартиры.

- Не бойся, скандить я не буду. Но чтобы завтра же тебя в городе не было! Ты меня хорошо поняла?

Татьяна как-то сникла, как бы увяла.

- Вот, значит, как, - проговорила тихо. - Сам струсил, жене поручил разобраться. Что ж, будь спокойна, я уеду. Не завтра, конечно, на это время потребуется. Но здесь не останусь. И муж твой мне больше не нужен. Такого предательства я не прошу.

- Вот и договорились, - и Анна вышла, тихо, чтобы не потревожить соседей, прикрыв за собой дверь.

Николай сидел на кухне, обхватив голову руками. Ему стыдно было смотреть на жену, которая вынуждена по его вине сделать то, что он, мужчина, должен был делать сам. Сказал глухо:

- Я уйду к матери, поживу у нее немного, пока и твои, и мои мысли придут в порядок.

- Нет, Коля, живи дома. Комнат много, есть где уединиться. Не надо, чтобы удейт появились вопросы.

И вдруг Анну пронзила острыя жалость к мужу. Пройти через такое унижение! Она боролась - и победила. А он фактически отсиделся за ее спиной.

И переживал стыд, согнул его спину, обезобразил лицо, придал глазам затравленное выражение. Никогда Николай не выглядел так жалко.

«Ну и пусть! - подумала Анна. - Время пройдет - все утрясет. И эта история забудется, как кошмарный сон. Зато мы все вместе, и никакие Татьяны нам больше не страшны!».

С тех пор прошло девять лет. Время действительно все залечило. Но Анна Павловна так и не вернулась обратно в отдел. Слишком болезненными были воспоминания, связанные с ее уходом оттуда. Она просто рассчиталась и нянчит дома внучку. Шустрая Катюшка не дает покоя ни на минуту. Особенно шумно радуется она, когда приходит с работы дедушка. Он тоже души в ней не чает и часто гуляет с ней во дворе. Но мимо соседнего подъезда всегда старается пройти быстрее. Видимо, его подгоняют какие-то свои воспоминания.

С годами постигаем красоту. И зрелость жизни кажется законной. Смотри - опять черемуха в цвету, шумят о вечной молодости клены.

И тянет приветливо руку к другой руке - обычное начало.

И та любовь, которая ушла, во мне опять чуть слышно зазвучала.

• Из новых сказок

Бараки

Мчатся годы, меняются даты. От забот я мрачнею лицом.

Как же дружно мы жили когда-то: Я с сестренкой и мама с отцом.

В камышитовых недрах барака, Под прицелом соседских зрачков Ни обид не таили, ни страха,

Хоть и спорили дураками, Но страдали кошмарными снами, Бакалей дурачили кровь.

Незаметно и буднично с нами Жили Вера, Надежда, Любовь. Деревенское, что ли, начало

В нас держалось, как моль в сундуках, Вечерами гармошка дичала

У родителя в пьяных руках. Но состарились наши бараки, Хоть нутром еще были крепки.

И бульдозеры, точно собаки, Разорвали их плоть на куски. Сиротели деревья бездомно, Задыхаясь в горячей пыли,

шлакобетонно на руинах «хрущевки» росли. Непутевые акселераторы, В обязательных пять этажей.

Да, конечно, все были им рады, Только что-то ломалось в душе.

Будто те же бульдозеры грубо Задевали ее невзначай.

И пошло незаметно на убыль То, что раньше лилось через край.

Громким песням подрезали крылья. А в глаза нацедили свинцу.

Бакалейные лавки закрыли, И скучает гармонь по отцу.

Получая ключи от квартир, В суетливом быту городском

Мы, как все, отделились от мира Недоверчиво-мутным «глазком».

Вроде все даже лучше, чем прежде: Есть балкон, есть вода, туалет.

Только Вера, Любовь и Надежды Меж удобствами этими нет.

В. ГУЛЯЕВ.

С годами постигаем красоту.

И зрелость жизни кажется законной.

Смотри - опять черемуха в цвету, шумят о вечной молодости клены.

И тянет приветливо руку к другой руке - обычное начало.

И та любовь, которая ушла, во мне опять чуть слышно зазвучала.

Л. КАЗАНИНА.

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Житейские истории

Анна. - Распустила нервы, клуша! У Николая ничего такого в голове нет, а я паникую. Но душа увершений не принимала, ныла, как больной зуб.

Когда Николай встретил их в Кемеровском аэропорту, глаза, показалось Анне, у него были виноватые. Но до последнего верила, не хотела верить. Делала вид, что ничего не замечает, выкладывала покупки, рассказывала о новостях. Он вначале чувствовал себя неуверенно, а потом втянулся в игру. Шумно обсуждал что-то с детьми, хлопотал на кухне. А с женой наедине не оставался ни на минуту.

Анна чувствовала: спроси его прямо - и он не сможет сорвать, сознается в своем грехопадении. А что потом? Расходиться? Ладно, она уже измучилась, она может его отпустить. А дети? А родные, знакомые, со служивцы? Половина десятка лет жили счастливой, образцовой семьей... Нет, такого позора она не вынесет. А главное, дети, им пережить такое будет труднее всего.

«Господи, да что я себе навыдумывала? - вдруг вынырнула спасительная мысль - Может, и не случилось ничего, а я уже о разводе думаю». Но винила, понимала, чувствовала - случилось.

Перед тем, как лечь спать, Николай долго курил в кухне, пуская дым в форточку. Анна, уставшая с дороги и от своих терзаний, вначале сделала вид, что спит, а потом и вправду заснула крепким сном. Утром, проснувшись, обнаружила, что муж уже ушел на работу. «Вот и хорошо, - решила. - У меня целый день впереди, что-нибудь придумаю».

Но ничего не придумывалось. Вечером решила все же поговорить. Но Николай позвонил, что

этот тяжкий узел.

Когда Анна вернулась

после ночной смены домой, дверь ей открыл муж.

Похоже, он даже не ложился.

- Присядь, Аньютка, поговорим, - он давно уже не называл ее так, и у Анны дрогнуло сердце.

- Что ж, - выдохнула она, словно прыгнув с обрыва в холодную воду, - поговорим...

- Не буду ничего объяснять, ты сама все знаешь. Подлец я, предал тебя и детей. Но нельзя так больше. На тебя гляну - умреть готов. А сделать ничего не могу. Как болезнь какая. Думал, пereболит, пройдет. Не проходит. Что нам делать, Аньютка?

- Не знаю, Коля. Может, тебе к ней уйти?

- Нет, у нас с тобой дети. И люблю я тебя. А ее тоже люблю.

- Как это случилось?

- Случилось это еще двадцать лет назад. Мы в одной школе учились. После школы разъехались, все былием поросло. А теперь вот - опять...

Обоим трудно было говорить. Но говорить надо. Необходимо раз и навсегда решить: быть или не быть их семье? За стеной спали их дети, ответственность за судьбу которых они несли сообща.

- Как ты решишь, Аньютка, так и будет. Я сам ничего не могу решить. Прости, что перекладываю на тебя свои мерзкие заботы. Но тебе проще это сделать, ты - сторона пострадавшая. А я... Господи, какая же я мразь! Как я, тебя измучил! Но, если ты мне не поможешь, не знаю, что со мной будет...

У Анны перехватило дыхание, потемнело в глазах: «Да они же любят друг друга! Это не просто интрижка, это то, что страшнее всего».

Анна бросилась в ком-

нату дочери, нырнула к ней под одеяло и затаилась, притворившись спящей. Николай, как и в тот, первый после ее возвращения вечер, опять курил на кухне, взыхал.

Боже мой, что же делать? Так жить дальше нельзя. А как можно? Голова гудела от напряжения. Только сейчас Анна поняла всю глубину своей привязанности к мужу. И семья для нее была святым понятием. И потом, как быть с детьми? Им одинаково дороги и папа, и мама.

Однажды даже мелькнула мысль о самоубийстве. Но Анна тут же одернула себя: «Что придумала, дура!». И тогда она решила уйти из отдела. Пусть все идет своим чередом, время распутает

состоянием, если бы не прятала, как страус, голову в песок. Кто, кроме нее самой, защитит ее семью, ее детей? Николай тоже - не сосед по лестничной площадке, он - ее муж, часть ее жизни. И она никому его не отдаст!

- Хорошо, Коля. Я сделала, как считаю нужным. Только ты твердо уверен, что не хочешь разрушать семью?

- Да. Если, конечно, ты захочешь меня оставить.

Анна кивнула и решительно пошла к двери.

- Она ни при чем, это я во

Каждый год, в майские выходные дни, я ухожу в березовые леса встречать весну. Для этого у меня припрятаны две поллитровые банки, в которые я набираю березовый сок. С собой прихватываю немного сахара и пластилин. Сахар идет на подслащивание сока, а пластилин - для заделки ран у деревьев, которые я делаю карманным буравчиком.

Отпраздновал дни весны и на этот раз. Банки были на месте. Соком они наполнялись

широкие заливные луга. Но вода по-прежнему мутная, торопливая.

Чуть ниже моста по течению увидел человека, ловко орудующего накидкой. Завидев меня, он тут же оставил накидку на берегу, привычно махнул мне рукой и заспешил к мосту. Не доходя несколько шагов до меня, попросил:

- Прикурить есть?

Роста он невысокого, со строгим морщинистым лицом. Серые, уже стареющие глаза, тоже в сетке морщин, смотрели на меня из

подумалось: наверное, дома нелады с хозяйкой, вот и ушел на весь день к речке...

И, будто угадывая мои мысли, старик ухмыльнулся, сделал крупную затяжку, продолжив рассказ:

- По веснам я всякий раз балую свою хозяйку ушицей. Это повелось с давних времен. В нелегкое время возникла эта самая привычка...

- Отчего так? - спросил я заинтересованно и посмотрел на своего собеседника.

Он не сразу отве-

тился: наверное, дома нелады с хозяйкой, вот и ушел на весь день к речке...

И, будто угадывая мои мысли, старик ухмыльнулся, сделал крупную затяжку, продолжив рассказ:

- По веснам я всякий раз балую свою хозяйку ушицей. Это повелось с давних времен. В нелегкое время возникла эта самая привычка...

- Отчего так? - спросил я заинтересованно и посмотрел на своего собеседника.

Он не сразу отв-

тился: наверное, дома нелады с хозяйкой, вот и ушел на весь день к речке...

Собеседник указал в сторону на место, где когда-то стоял трактор, увиденный им впервые за годы войны. Мирный трактор.

- Стоит трактор, стало быть, как не подойти? - продолжал свое повествование мой новый знакомый. - Я ж до войны сам курсы кончил и лето правил на машине. Иду, стало быть... Стало быть... От деревни уже собачий лай доходит эдак отчетливо и на сердце тоской ложится: домой бы скорей. Там ждут все жданки съели. И в беде человека оставить совесть не позволяет. Как можно! Подхожу к трактору и громко спрашиваю: «В чем загвоздка, землячок?». Обертается ко мне тракторист... Я от удивления, страха и радости обмер тут же: у трактора-то моя Дарьушка орудует. Как есть она, с места не сойти. А она: «Феде-е-енка-а?».

Домой вертались с Дарьушкой вместе. А по берегу, глядя, парнишка с накидкой шмыгает. С трудом с нейправляется. Оказалось: мой Лешка на ужин рыбку добывает. Год голодный был. Кartoхами только и кормились до Нового года. А потом чем кому придется. Хорошо, что еще отрубишки, свеколька, турнепчишка оставались. По весне картохи мерзлые собирали на пахоте за тракторами. Дранники из нее пекли... Помог я тот раз ему, Лешке-то моему, стало быть. А по вечеру, как выдается в таких случаях, гулянка сгоношилась, уха в самый аккурат оказалась. С тех пор я по веснам и балуюсь с накидкой...

Мне жаль было расставаться с новым знакомым. Он мне напомнил чем-то русские крепкие и добрые березы.

П. ШМАКОВ.

НА ПРОГУЛКЕ.

Фото Э. КОСТРОМИНА.

ГОВОРЯТ ДЕТИ

Женечка, 3 года:

Пришла с родителями в гости к дедушке и бабушке, у которых попугай Яша.

- Яша, здравствуй! Вот весна уж, давай полетим в Африку. Там банны, да и Лимпопо. Папа, мы полетим с Яшей в Африку?

- Летите. А что ты там делать будешь?

- Я буду летать да петь Яше спальные песни. А ты мне крылья сделаешь?

- А ты Яшу за хвостик ухвати да и лети.

- Да ведь я крылья хочу, а не ухват.

- Яша, скажи: «Женечка». - Попугай молчит. - Ну, скажи: «Женя».

- Попугай молчит. - Ну, скажи: «Фадеева». Ну, что молчишь? Не узнал меня? Забыл без памяти.

- Бабуль, почитай книжку.

- Давай сначала курочку поешь. Вон, животик пустой.

- Нет, давай читать, сказка туда будет складываться, он будет полный. Животик хочет не курочку, а Красную Шапочку.

В. ГРИГ.

твоей печали,
Чтоб только
солнечным был
каждый день,
Итоб беды в окна
дома не стучали,
И грозных туч не
наплывала тень.

**Коллектив
муниципального
магазина
продтоваров № 40.**

Уважаемую Людмилу
Михайловну Гладенко
с днем рождения!
Вы есть, и мир

не пуст!
Пусть ваш источник
бескорыстия,

Скромности,
душевной
порядочности

И трудолюбия
не иссякает.

Здоровья вам и
терпения на долгие
годы!

Новоселовы.

Нашишего перстень 28 апреля просим вернуть за хорошее вознаграждение. Звонить по телефону 2-36-58.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Новелла

за час-полтора.

Русские березы щедры. Они охотно делятся своим богатством. Этим напоминают душевых и добрых людей. Стоят с белой, нежной кожей - корой, отмеченной сероватыми рубчиками, рябят стволами перед глазами, словно приминая тебя и говорят: испей моего сока, от него здоровья прибавится. И стоишь ты, пораженный пронизительной тишиной, и шепчешь в душевые слова благодарности за ту радость, что приносят подетски нежные березы. Лес ласкает шорохом листьев, короткими переливчивыми голосами потаенных птиц, едва уловимыми сизоватыми тенями, стекающими сверху вниз по стволам.

Но вот и день перешел на вторую половину. Пора готовиться к возвращению домой. Путь лежит к мосту, что переброшен через Иню. Спускаюсь к мосту. Чем ниже, тем больше грязи налипает на резиновые сапоги, и они становятся настолько увесистыми, что с трудом поднимаю ноги. То и дело приходится палькой очищать грязь.

Солнце ушло из зенита, и теперь иду ему встречать. Воздух настывает легким пахучим ветром, стекленеет. И будто раздвигается пространство, и без того необъятное. И ты чувствуешь себя в этом пространстве мудрым, сильным и вечным...

Иня еще не вошла в берега, но отогрелась весенным буйством, утомилась от недавнего разгула, освободила

удивления, просто и по-домашнему. Будто встретил давним-давно знакомого. Он достал из кармана телогрейки пачку сигарет, натренированно выбил белый стволик. Я протянул ему зажигалку. Он прикурил, затянулся, выпустил изо рта несколько колечек сизого дыма и только тогда заговорил:

- Кончились спички. С утра рыбали. Последний выходной перед посевной. А там без передыха... Я на сейлке какой уж год без передышки. Обвыкся и уходить нет сил. Я и на отыхе законном, а подиж, без работы не могу...

- голос у старика глуховатый, с легким присвистом.

Не сговариваясь, уселись на бревенчатую перекладину моста, обсущенную и обогретую солнцем. Я тоже закурил. Дымок расслоился и потек к воде.

- Ловится? - кивнул я в сторону накидки.

- Как же! - восхликал старик радостно, будто и ждал этого вопроса. Лицо сразу избавилось наполовину от морщин, а глаза засверкали довольством и смешинками. И совсем он не такой старик, каким показался с первого взгляда.

- С самой ранней тешусь. На ушицу натаскал. А уходить не хочется. Хоть убей, не хочется. Больше пескаришки, идут. Крупняка мало. Воды еще много. Но пескарь для уши самая что ни на есть отличная заправа.

В его голосе не было ни досады, ни разочарования, что шла мелочь, а даже проскальзывала радость. Мне

тил, а внимательно вглядевшись в лицо и, видимо, обнаружив в нем не равнодушие, а готовность слушать, снял с головы видевшую не одну, непогоду кепку, прокашлялся:

- В сорок четвертом меня после трех ранений списали подчистую. В госпиталях валялся более полугода. Фашисты меня аккуратно отместили... Вот такой же порой по весне и вертался домой. Старенькое обмундирование, за плечами рюкзачишко, в котором и было: пачка махорки, буханка хлеба, кусок мыла да фляжка спирта.

Ну-у, стало быть, на своем разъезде сошел, не мешкая ни минуты, строевым - к дому. К тому времени меня более иль менее подчинили, подлатали, и сдал я ходить хоть не на третий, но близко ко второй скорости. Дома ждут меня моя Дарьушка, сын Алешика да дочка Марина... Вот и прикинь, что на душе моей творилось в ту пору? Кипело в груди, как в самоваре перегретом. Так вот, иду другой, что и ты, верно, шел.

Мой собеседник ожидался. Достал вторую сигарету, прикурил ее от огрызка, затянулся так, что и без того впадавшие щеки в короткой щетине сильней втянулись, отчего лицо стало плоским, болезненным. Погубней умостился на бревне, стал говорить чуть спешливей:

- Иду, стало быть, а мысль одна за другой. Одна за другой, эдак обрывками. Понуждают одна другую... Погода стояла как по заказу. День сгодился сухой, ветерок

расставаться с новым знакомым. Он мне напомнил чем-то русские крепкие и добрые березы.

П. ШМАКОВ.

ЛЕНИНСК-КУЗНЕЦКАЯ
"ГОРОДСКАЯ ГАЗЕТА"
КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Учредители:

Ленинск-Кузнецкая городская администрация и трудовой коллектив редакции.

Редактор газеты:
С. П. БАРАНОВ.

Адрес редакции:
652500, г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской обл.,
ул. Белинского, 15.

СПРАВКИ ПО РЕДАКЦИИ:

По письмам - 2-07-10, по рекламе и объявлениям - 2-07-13.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за достоверность и точность приведенных фактов. Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Газета зарегистрирована Омской региональной инспекцией по защите свободы печати и средств массовой информации 23 декабря 1993 г., регистрационный № 428. Выходит 5 раз в неделю, кроме воскресенья и понедельника. Доставляется подписчикам в день выхода.

Объем 1 п. л. Индекс 51915. Тираж 14942. Номер подписан в печать в 17 час. 00 мин.

Газета отпечатана в Ленинск-Кузнецком полиграфическом производственном объединении (ул. Белинского, 17).

Печать офсетная. Заказ № 2856
Цена одного экземпляра 500 руб.